

8

28 октября 1995 г. - Культура

Новая Новицкая

Эта хрупкая женщина с короткой стрижкой и тихим голосом так начала пресс-конференцию: "Семейная жизнь, дети ни когда не мешали моей профессии. Леони, например, родилась через месяц после того, как я играла Первый концерт Прокофьева. А Шарлотте было всего три недели, когда я уехала в Мадрид на гастроли". Так рассказывает о себе пианистка, мать пятерых детей Екатерина Новицкая, приехавшая в Россию после 17 лет разлуки.

ГАСТРОЛИ

Инна ФОМИНА

У Новицкой — странная судьба, в которой много и счастливых, и драматических событий. А истоки ее, наверное, в необычной истории жизни ее родителей. Мама — студентка истфака Московского университета — влюбилась в профессора, читавшего Историю русского феодализма. Разница в 24 года, прекрасная карьера, ожидавшая ее, — так все говорили, ничто не смутило. В конце концов они поженились, родились дети, и она целиком посвятила себя им — Кате и Андрею.

А они оказались очень талантливыми, поступили в Центральную музыкальную школу. Особенно успешно шли занятия у Кати. Ее педагоги — Евгений Тимакин (в младших классах), а затем (в течение 11 лет вплоть до аспирантуры) Лев Оборин сумели разгадать необычный, неповторимый музыкальный дар девочки, особую духовную наполненность ее исполнения, привлекавшую на концерты совсем юной артистки восторженных слушателей. "Часто Оборин не останавливал мою игру, доверяя моей интуиции, считая, что я не должна его копировать". Равным таланту Рихтера считал ее дарование Генрих Нейгауз, который также помогал ей в занятиях. Огромную роль в ее становлении сыграло и

Фото Евгения БУРМИСТОВА

влияние личности Софроницкого, семью которого она хорошо знала. Легендарный Артур Рубинштейн, приезжавший в Москву в 1964 году, услышав Катину игру Шопена, погладил девочку по головке и похвалил. "Я все не решалась помыть после этого голову!" — вспоминая, смеется Новицкая.

И вдруг умирает мама. Для 15-летней Кати это была трагедия, которую невозможно было пережить. Ей вообще расхотелось играть... Но через год на Международном конкурсе пианистов имени королевы Елизаветы в Бельгии 16-летняя Катя, в порядке исключения допущенная к конкурсу — ей не хватало "возраста", — завоевывает золотую медаль (а первым победителем этого конкурса еще до войны был Гилельс). Бельгийские газеты называли ее "чудом, рожденным раз в столетие". Более того, как оказалось, Катя завоевала не только первую премию, но и любовь 17-летнего бельгийца Франсуа-Эммануэля Херви.

Очарованный Катей, звучавшей музыкой, обстановкой конкурса, Франсуа решил... начать заниматься музыкой. Его сочли сумасшедшим, но уже через год он играл сонаты Моцарта! А когда Катя выезжала за рубеж на гастроли, Франсуа всегда старался быть рядом.

Словом, как в сказке. Но не забывайте, в какие годы все происходило. Когда стало ясно, что любви, прошедшей испытания разлуками, не удастся осуществиться в России, Катя решила уехать. Они поженились. Семья поселилась в маленьком бельгийском городке Монсе, где у них родились Алевтина, Шарлотта, Рауль, Катрин и Леони. Муж стал и главным "по дому", и личным секретарем.

А как же искусство? В принципе ее карьера не раскручена — концертов не так много, как хотелось бы и могло, записей нет. Думая об этом, Новицкая спокойно говорит, что причина, наверное, в той системе отношений с западными импреса-

рио, которая существовала раньше. Многие уехавшие (или, как у нас писали, "оставшиеся", "сбежавшие") артисты не стали известными музыкантами, потому что западные агентства имели контракты на гастроли Рихтера, Ойстраха, Гилельса. И если импресарио начинал работать с "изменниками Родины", он вполне мог эти контракты потерять (все ведь контролировалось государством). Когда речь идет о суперзвездах масштаба Ростроповича — тут можно рисковать, но когда о молодой пианистке... Вероятно, поэтому при блестящей прессе пауз в ее концертном расписании было немало. А характер и отсутствие честолюбия не позволяли просить. Именно из-за этих подводных камней, которых так много в искусстве и которые могут остановить самый бурный поток — талант, Катя не стала учить музыку своих детей.

Но иногда судьба преподнесла ей неожиданные подарки. 13 ноября 1993 года (у Кати потрясающая память на все, что связано с музыкой, — что, где играла) ей позвонил незнакомый мужской голос: "Здравствуйте. Это Ростропович. У меня в Монсе концерт. А сейчас я у вашего дома. Можно зайти?". Потрясенная Катя, конечно, согласилась. Поговорили, и вдруг Мстислав Леопольдович спросил: "А почему вы вам не сыграли концерты в России? Я помогу". И действительно с его легкой руки Госконцерт взялся за дело.

Новицкая была счастлива! Но вновь испытание: заболела, не разгибалась в кисти левая рука — видимо, обычная профболезнь пианистов. "Подготовка к концертам в России в физическом смысле была трагической. Но я не могла отменить эти гастроли — только если умру!", — призналась артистка.

И вот спустя 17 лет Новицкая вновь на Родине (ведь в своих буклетах она пишет — "русская пианистка"!). Три концерта — в лучших залах Санкт-Петербурга, Москвы и Нижнего Новгорода. На них, конечно, пришло немало слушателей, которые четверть века назад слушали трогательную, ни на кого не похожую девушку и не могли забыть все эти годы магического воздействия ее игры.

Уже выбранный репертуар показал, что Новицкая все та же — своеобразная, серьезная. Соната Шуберта Си-бемоль мажор (играемая ею только второй раз), "Детские сцены" Шумана, а для начала — "игрушечная" Соната Ми-бемоль мажор Моцарта. Вызывающе невыигрышная, тихая, технически легкая (сыграет любой первокурсник училища) программа, где нет пышных пассажей, внешнего блеска — одним словом, пианистического пафоса (как сказала Новицкая, "музыка без гримас"), но где бездна тончайших переживаний, внутреннего смысла. "Главное для меня — искренняя, правдивая эмоция, немного детская душа, увиденная глазами взрослого человека, — так сказала пианистка. — И еще — новизна. Я, например, предпочитаю часто менять программы. Лучше зацепить несколько фальшивых нот, чем потерять свежесть восприятия".

Прекрасные слова! Но все-таки главное, как пианист играет. Как мне показалось, публика сразу — на Моцарте — "споткнулась": аплодисменты были недоуменными. Красивый звук, интеллигентность, грациозность и... холодность, бестрепетность, отстраненность. Цикл Шумана с его прихотливой сменой настроений немного поднял "эмоциональный градус" исполнения. И вот долгожданный Шуберт. Приятно, мягко — и спокойно-бесстрастно, замкнуто, даже вяло. Может быть, программа-то и виновата? Но для такого показательного выступления можно было выбрать и что-либо поярче. Как все ждали, например, Прокофьева, которого она играла незабываемо. Впрочем, когда на "бис" звучал Рахманинов — и в нем кровь не была горячей. Что же было причиной этой эмоциональной обособленности — волнение ли от встречи с русской публикой, болезнь ли руки? Или благополучная, размеренная жизнь за границей не на пользу русскому художнику, для которого лучший источник вдохновения — страдание, беспокойство?

Но каким бы ни показалось сегодняшнее выступление легендарной пианистки, она в памяти слушавших ее навсегда останется ТОЙ Екатериной Новицкой — юной, победительной, неповторимой.